

Р/911 1950

Б. В. БОГДАНОВ

У ИСТОКОВ ЛЕНИНИЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Б. В. БОГДАНОВ

У ИСТОКОВ ЛЕНИНИЗМА

(РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ)

МОСКВА
"НАУКА"

1991

Дом Богданова

№ 92-1788

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕНИНИЗМА

Глава первая

Основоположники марксизма о судьбах России. Роль их исследований в формировании ленинизма	7
---	---

Глава вторая

Теоретическая платформа группы "Освобождение труда" Г.В. Плеханова и ее роль в формировании ленинизма	54
---	----

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕНИНИЗМА

Глава первая

Ленинское решение проблемы соединения борьбы за демократию с борьбой за социализм	71
---	----

Глава вторая

Аграрный вопрос в истории революционного движения в России	130
--	-----

Научное издание

Богданов Бронислав Васильевич

У ИСТОКОВ ЛЕНИНИЗМА

Утверждено к печати Институтом философии Академии наук СССР

Редактор издательства В.С. Егорова

Художник А.В. Барков. Художественный редактор М.Л. Храмцов

Технический редактор Н.М. Бурова. Корректор Л.А. Агеева

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 47942

Подписано к печати 16.10.91

Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура Пресс-Роман
Печать офсетная. Усл.печ.л. 11,0. Усл.кр.-отт. 11,4. Уч.-изд.л. 13,9. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. 2250 Цена 5 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

2-я типография издательства "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

становлении. Весомый вклад в изменение лица Европы должна была внести Россия, которая вступала в XX в., оставаясь по-прежнему "заряженной миной". Практическим и теоретическим освоением этой проблемы после Маркса и Энгельса занялись их ученики и последователи. Среди них в России наибольшее влияние на марксистскую мысль в период до выступлений Ленина оказал Г.В. Плеханов. Рассмотрению его концепции обновления России и выведения ее из кризиса и посвящено дальнейшее изложение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.
2. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1962.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд.
4. Андреев И.Л. Рукописная страница истории марксизма. М., 1985.
5. Воронцов В.Н. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
6. Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.
7. Карышев Н.А. Народно-хозяйственные наброски // Русское богатство. 1894. № 8. С. 43, 71.
8. Каутский К. Американский и русский рабочий. СПб., 1906.
9. Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М., Л., 1926.
10. Конюшая И.П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1985.
11. Михайловский Н.К. Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского // Отечественные записки. 1877. № 10, окт. С. 321–356.
12. Михайловский Н.К. По поводу русского издания книги Карла Маркса // Там же. 1872. № 4, апр.
13. Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1896–1897. Т. I–VI.
14. Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л., 1923–1927. Т. 1–24.
15. Вестник Коммунистической академии. М., 1923.

Глава вторая

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ГРУППЫ "ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА" Г.В. ПЛЕХАНОВА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕНИНИЗМА

От народничества к марксизму. Вплоть до создания Г.В. Плехановым группы "Освобождение труда" (1883) революционная Россия не располагала разработанной марксистской программой действий, связанных с достижением в стране демократии и социализма. Плеханов был первым русским, смело взявшимся за разрешение этой задачи. Этим определяется его место в истории марксизма. На протяжении почти десяти лет до середины 90-х годов марксизм в Российском социалистическом движении был представлен группой Плеханова.

Вопросы стояли те же, что и в эпоху Маркса и Энгельса, — каков путь России к цивилизованности и какова роль, отведенная историей социалистам в этом процессе? Но если основоположников марксизма револю-

ционный взрыв в России интересовал в первую очередь с точки зрения его последствий для социализма в Европе, то Плеханова заботили судьбы самой России. В слаборазвитой стране, какова была Россия, задачи социалистов удваивались по сравнению с задачами социалистов Западной Европы. Здесь кроме осуществления социалистического идеала, т.е. своей собственной прямой задачи, на плечи социалистов в силу специфики российской истории ложилась еще задача введения демократии в стране, задачу, которую в европейских революциях решала буржуазия.

К осознанию и разъяснению этой сложнейшей задачи с позиций марксизма первым в России приступил Г.В. Плеханов (1856–1918) — один из наиболее ярких и талантливых учеников Маркса и Энгельса. Он стал основоположником марксистского направления в социалистическом движении в России. Маркс был широко известен в среде прогрессивной русской интеллигенции. Но при всем уважении к нему народников, во-первых, никто из них не рассматривал его учение в целом и, во-вторых, они считали марксизм "приложимым" только к Европе. Для позднего российского капитализма объяснения Маркса непригодны, полагали народники. Поэтому они в штыки встретили русских социал-демократов. Плеханов был первым, кто воспринял марксизм во всей его целостности (философия, политэкономия, учение о социализме). Попутно отметим, что приоритет Плеханова в этом вопросе был бесспорен и в среде европейских социалистов. Например, философию марксизма не рассматривали даже такие видные авторитеты, как К. Каутский, А. Бебель, П. Лафарг, Р. Люксембург и др. В России никто до Плеханова не показал столь пронизательно и убедительно приемлемость и необходимость Марксова метода для русских революционеров.

Проблема достижения цивилизованности Россией — ликвидация отставания России от Европы, установление демократического режима и выведение страны из глубокого исторического кризиса — была нова для классического марксизма. Маркс и Энгельс первыми убедились в том, что их теория исторического процесса, разработанная преимущественно на европейском материале и в условиях XIX в., нуждалась в обновлении и конкретизации при переходе к новой эпохе и новому региону. Сама отсталость как таковая и положение России, входящей в мировую экономическую систему наряду со странами, ушедшими вперед, в свою очередь, порождала новые, ранее не известные истории проблемы. Проблема выхода России из отсталости не решалась посредством копирования пути развитых стран. Такой путь был закрыт. Марксовы наблюдения над этими новыми процессами не успели еще обрести сколь-нибудь цельного концептуального завершения. Продолжение этой работы стало делом учеников Маркса. О том, что эти специфичные и новые проблемы борьбы труда и капитала, возникшие в результате воздействия международных условий на внутренние процессы развития слаборазвитых стран, отнюдь не являются псевдопроблемами, убедительно свидетельствует, например, опыт сегодняшнего так называемого третьего мира¹. В истории

¹Сослелся на высказывания видного французского философа и публициста Роже Гароди, бывшего коммуниста, члена Политбюро ФКП, выступившего в свое время с критикой непоследовательности XX съезда КПСС в разоблачении сталинизма и

марксизма в России все крупные дискуссии и расколы возникали под знаком этой новой для марксизма проблемы. Старые схемы решений здесь не годились, и простой призыв к "европеизации" с неизбежностью повисал в воздухе. С учетом этих обстоятельств можно полнее понять идейную эволюцию и поиски Плеханова, его достижения и просчеты, его роль в формировании ленинизма.

В 70-е годы Плеханов столкнулся с этими проблемами как революционный народник, разделяя все сильные и слабые стороны народнической концепции обновления России. Он быстро завоевал видное положение в народнической среде, но вскоре разочаровался в теории и практике народничества и в 1880–1883 гг. увлекся марксизмом. В 1883 г. он создал группу "Освобождение труда", которая своими исследованиями и пропагандистской работой открыла дорогу марксизму в Россию. Плеханов находился под влиянием Ф. Энгельса, встречался и переписывался с ним. Энгельс одобритительно отзывался о его первых марксистских работах. До 1903 г. Плеханов вместе с Лениным работал над созданием социалистической партии, принял участие в подготовке ее программы и поддерживал Ленина на II съезде партии. Но вскоре после съезда он порвал с Лениным и перешел к меньшевикам. В дальнейшем он нередко отходил от них, частично сближался с Лениным (например, в борьбе с ликвидаторством), но отныне между ними никогда не было полного согласия по кардинальным проблемам освободительного движения в России. Он приветствовал Февральскую революцию 1917 г. и в соответствии со своей концепцией исторического развития не признал Октябрьскую революцию в качестве социалистической, хотя, несомненно, внес немалую лепту в ее победу. Вернувшись в Россию в 1917 г. после 37-летней эмиграции он повел непримиримую борьбу с Лениным и большевиками из-за их взятия власти в неготовой для социализма стране. Будучи

зачисленного с тех пор в ревизионисты. «Из статистических данных ООН, — писал Р. Гароди, — явствует, что вследствие совокупного действия задолженности, обусловленной неравноправной торговлей, и навязанных этим странам несоответствующих их потребностям моделей развития, в странах "третьего мира" ежегодно от голода и недоедания умирают 500 млн человек. В свете этого просто непорядочно расхваливать "западную модель экономического роста", которая имеет своим следствием "слаборазвитость" двух третей мира и обеспечивает свое собственное выживание только одним путем — навязывая бывшим колониям жертвы, равные двум Хиросимам в день» [5. С. 56]. Далее Р. Гароди напоминает о последствиях господства в мире нового "империалиста" — капитала финансового. Со ссылкой на данные французского экономиста Алле, нобелевского лауреата 1988 г., он отмечает, что "поток в основном спекулятивной валюты ныне в 34 раза превышает обмен совершаемых в мире сделок по товарам и услугам; иначе говоря, это 420 млрд долл. в день чисто спекулятивных финансовых операций против 12,4 млрд международной торговли. Так неужели это действительно и есть та экономическая модель, которой следует вздохнуть с восхищением?" — обращается Гароди к сегодняшним горячим поклонникам капиталистического "мирового сообщества" [Там же]. К восточноевропейским странам — к Польше, Венгрии, Чехословакии и др., продолжает он, международный валютный фонд пытается применить все те же испытанные схемы "интеграции", что и к странам от Марокко до Ямайки: мы вас примем, но только в том случае, если вы перестанете быть сами собой и превратитесь в придаток нашей экономики.

тяжело больным, он прожил на родине после возвращения всего лишь год. Умер в 1918 г. и похоронен согласно его последней воле у могилы В.Г. Белинского, которому приходился дальним родственником.

Будучи народником, Плеханов продолжал скорее традиции Н.Г. Чернышевского и Бакунина, чем А.И. Герцена и П. Лаврова, хотя в период перехода к марксизму испытал непосредственное воздействие последнего. "В конце семидесятых годов... — писал он, — я был народником до конца ногтей" [2. Т. III. С. 124]. Свои решающие народнические постулаты крестьянского социализма о возможности прямого перехода к социализму, минуя капитализм, и свое отрицание в духе бакунизма необходимости борьбы за политические преобразования, поскольку они будут на руку буржуазии, Плеханов первоначально пытался обосновывать с помощью своеобразно понятых идей марксизма об объективности исторических законов. Заметим попутно, что марксистская проблема "естественноисторической необходимости" стала для него камнем преткновения до конца его дней. С ее помощью он обосновывал свои народнические идеи, с ее помощью он затем воевал с этими идеями, а потом объявил большевизм несовместимым с марксовым учением о смене формаций как естественноисторическом процессе.

"Те или другие формы общественных отношений устанавливаются... экономической необходимостью" [Там же. Т. I. С. 64], — писал народник Плеханов. Когда какое-нибудь общество, повторял он слова Маркса, напало на след естественного закона своего развития, то оно не в состоянии ни перескочить естественные фазы своего развития, ни отменить их при помощи декретов. Но пока оно на этот след не напало, до тех пор обусловливаемая этим законом "смена экономических фазисов для него необязательна" [Там же. С. 59]. Отсюда у Плеханова две мерки: одна — для Запада, другая для России. Европа уже "напала на роковой след" индивидуалистического способа производства (капитализм) и там социализм будет естественным результатом промышленного капиталистического развития, которое оно не может ни перескочить, ни отменить декретами.

Иное дело — Россия. Она еще не вступила на путь того закона, по которому ее развитие обязательно должно идти по капиталистическому пути. Здесь пока естественным является аграрное производство, коллективное владение (община) и путь к социализму здесь будет обратным пути, которым пойдет Европа. Если там от коллективного труда придут к коллективному владению, то в России от сохранившегося коллективного владения придут к объединенному коллективному труду (социализм) через аграрно-промышленное развитие и крестьянскую общину.

Так же с помощью Маркса Плеханов пытался обосновывать свой бакунистский отказ от борьбы за конституционное правление. Если политика вторична по отношению к экономике, рассуждал он, то революция и должна произойти в сфере экономической. Требования только политических свобод рассматривались народниками как буржуазный софизм. Поэтому выход видели в том, чтобы достижение свободы и социализма сделать безраздельным процессом, т.е. предстоящая революция должна быть согласно тогдашней терминологии не только политичес-

кой, а и "социальной", т.е. социалистической. В этом состоял смысл идущей еще от Герцена установки: Россия придет к свободе через социализм.

Слишком сильна на первых порах была народническая вера Плеханова в общину, чтобы ее могли поколебать даже обстоятельные исследования, содержавшие данные о ее распаде (М. Ковалевского, В. Орлова и др.). Утратить ее было равносильно утрате всякой опоры для революционных народнических планов. Поэтому фактам разрушения общины Плеханов пытался дать собственное, благоприятное для нее, но, впрочем, неубедительное само по себе истолкование. И здесь он опять прибегал к помощи двух мерок. На Западе внешние причины были враждебны общине и она погибла. Иное дело — Россия, где "сознательно-положительное отношение к ней крестьянской массы и интеллигенции... может в значительной степени нейтрализовать действие враждебных ей влияний" [Там же. С. 106]. Маркс тоже допускал возможность участия общины в социальном возрождении России при устранении "враждебных влияний". Но устранить их должна революция в России, а затем — в Европе и помощь от социалистического Запада. У Плеханова таких предположений не было.

Требовались какие-то серьезные признаки кризиса народничества, чтобы у Плеханова возникли принципиальные сомнения в данной идеологии. Первым таким сигналом послужил раскол в 1889 г. "Земли и воли" на "Народную Волю" и "Черный Передел" лидером которой стал молодой Плеханов. Каждая из организаций упорно следовала своим курсом и доведенная до своего логического конца каждая из них зашла в тупик. Результаты покушения на Александра II показали несостоятельность терроризма как метода революционной борьбы. Несостоятельными оказались и "хождения в народ" "чернопердельцев". Кризис всех вариантов народничества привел к тому, что Плеханов и его сторонники "метались в безнадежных противоречиях" [4. Т. VIII. С. 16]. Наблюдения над набирающим силу промышленным развитием и выступлениями пролетариата усугубляли этот внутренний разлад.

Оказавшись в 1880 г. в эмиграции, Плеханов жадно набросился на изучение марксизма и опыта европейского социализма, чтобы укрепиться в пошатнувшейся вере в народничество. "Но книги, — писал Плеханов, — готовили нам новую неожиданность, имевшую решающее влияние на всю нашу дальнейшую политическую судьбу... Чем более знакомимся мы с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас наше народничество как со стороны теории, так и со стороны практики" [2. Т. XIII. С. 26]. Летом 1880 г., писал Плеханов, "я был уже едва ли не на половину социал-демократ" [Там же]. Вероятно, именно Плеханов инспирировал знаменитое письмо В.И. Засулич к Марксу в 1881 г.

Итогом этих мучительных поисков Плеханова стал его переход на позиции марксизма. "Теория Маркса, подобно аriadниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль" [4. Т. VIII. С. 17]. Плеханов, по его словам, был буквально вдохновлен "Манифестом Коммунистической партии". Он перевел его на русский язык, а Маркс и Энгельс написали к нему специальное предисловие. Ответ Маркса на

письмо В.И. Засулич (1881) во многом повторил идеи этого предисловия. Собственное предисловие Плеханова к этому русскому изданию (1882) и объявление об издании "Библиотеки современного социализма" (1883) фиксировали его окончательный разрыв с народничеством и переход на позиции марксизма.

Отныне судьбы социализма он связывал не с сельской общиной и крестьянскими бунтами, а с промышленным капиталистическим развитием и классовой борьбой пролетариата. Все программные вопросы русского революционного движения ставились теперь по-новому. Во-первых, отвергалось бакунистское противопоставление борьбы за политические преобразования борьбе за социализм. Отказываться от борьбы за демократию, согласно Плеханову, значит косвенно поддерживать абсолютизм. В свою очередь, достижение демократии не самоцель, а средство для борьбы за социализм. Во-вторых, отвергались прежние две мерки — для Европы и для России: "Окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран" [2. Т. I. С. 151] и достигается она лишь через классовую борьбу пролетариата. В-третьих, ставилась задача создания социалистической партии. До сих пор, писал Плеханов, "... разрушительная работа наших революционеров не дополнялась созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России" [Там же. Т. II. С. 22]. Основанием для всех этих изменений во взглядах Плеханова послужил сделанный им самим вывод о типе экономического развития страны.

Россия встала на путь капитализма и все иные пути для нее закрыты. Этим своим категоричным и новым выводом, обоснованным в его первых марксистских работах "Социализм и политическая борьба" (1883) и "Наши разногласия" (1885), а затем через десятилетие подтвержденным в работе "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" (1895) и др., Плеханов открывал дорогу марксизму в Россию и давал теоретическое обоснование новым и специфическим задачам социалистического движения в России. На этих трудах, по словам Ленина, воспитались целые поколения марксистов в России. Сказанное относится и к самому Ленину.

С этого фундаментального вывода о типе социально-экономического развития собственно и начинается Плеханов как продолжатель дела Маркса. Этот категоричный вывод еще отсутствовал у основоположников марксизма, хотя поздний Энгельс уже вплотную подходил к нему. "Пора иметь мужество сказать себе, — писал Плеханов в споре со своими бывшими народническими друзьями-единомышленниками, — что... не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму. Все условия обмена, все отношения производства все более и более складываются в благоприятном для него смысле" [Там же. С. 230]. Если мы спросим себя, продолжал Плеханов, "пройдет ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом — почему же бы ей не окончить той школы, в которую она уже поступила?.. За капитализм вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения" [Там же.

С. 270]. Главный поток русского капитализма, заключал Плеханов, пока еще невелик, но в него со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков и речек, что быстрый рост потока не подлежит сомнению. Нет такой силы, которая смогла бы сдвинуть Россию с этого пути. Задача не в том, чтобы миновать эту "школу", а чтобы пройти ее и вполне воспользоваться ее уроками для дела социализма.

Требовалось немалое мужество, чтобы пойти против течения в среде революционно настроенной русской революционной интеллигенции, где еще сильны были упования на террористическую деятельность "Народной Воли". К нам «вся тогдашняя революционная среда, — писал Плеханов, — относилась со строгим порицанием за "измену" народничеству» [Там же. XIII. С. 142]. Даже слово "социал-демократ" было в этой среде обидным и даже почти бранным.

Серьезные опасения у Плеханова могли возникать относительно реакции Маркса и Энгельса на решение им этого ключевого вопроса — о капитализме в России. Плеханов свой категоричный вывод о неодолимой силе капитализма в России обнаружил в начале 80-х годов, т.е. когда Маркс бился над ответом В.И. Засулич (1881), спрашивавшей автора "Капитала" о том, куда идет Россия. Но ни в отсланном кратком ответе, ни в оставшихся неизвестными трех пространных черновых набросках ответа у Маркса еще нет такой определенности и категоричности, как у Плеханова. Условным и допускавшим разные варианты, т.е. неопределенным, оставался также и предназначенный для публикации ответ в Предисловии Маркса ко второму русскому изданию "Манифеста...". (1882). Получалось, что Плеханов приветствовал метод Маркса, но не соглашался с его выводами для России. Поэтому у Плеханова были все основания побаиваться оценки Энгельса на свои первые марксистские работы. Но отзыв Энгельса был таков: "Я горжусь тем, — писал он в 1884 г., — что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми своими анархистскими и несколько славянофильскими тенденциями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой *выдержанной и последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны" [1. Т. 36. С. 260]. Энгельс, таким образом, благословил изыскания молодого русского марксиста. Свои дружественные отношения с группой "Освобождение труда" он поддерживал до конца своей жизни.

Итак, Плеханов первым сделал принципиальный вывод о типе социально-экономического развития уже утвердившегося в России. Это — капитализм со всеми его последствиями. В этом вопросе Ленин — преемник Плеханова. Существует еще вторая тема, тоже введенная Плехановым (Ленина она не увлекала столь сильно, как Плеханова). Это — тема русской "азиатчины".

Капитализм как высшая фаза "европеизации" России и средство лик-

видации ее "азиатчины". Если для народников капитализм представлялся чем-то вроде нашествия чумы, то для Плеханова он — носитель прогресса и обязательный путь к свободе. Как же Плеханов рассчитывался со своей недавней народнической совестью и как он обходил вопрос о бедствиях первоначального капиталистического накопления, многократно усугубленных поздним пришествием капитализма в Россию? Ведь разорение России, систематически опустошавшие ее голодовки, хищническое разграбление природных ресурсов, уничтожение сельского хозяйства, исключительный паразитизм иностранного и собственного русского финансового капитала в отсталой стране и т.п. — все это нельзя было объявить народнической выдумкой. Эти факты стояли перед глазами у всех, и Плеханов сам с болью говорил о них. Пример тому — статьи "Всероссийское разорение" (1892), "О задачах социалистов по борьбе с голодом" (1892) и др. К этим бедствиям внимательно присматривался Маркс, не спешивший настаивать на прогрессивности русского капитала в духе своего "Манифеста...". В затруднительном положении оказался Энгельс в своем споре с Даниельсоном, который доказывал ему, что платой за форсированные попытки "догнать и обогнать" Запад, повторяя тип его индустриального развития, может оказаться гибель русского народа. И Энгельс не знал, что ответить. Вряд ли сам он считал убедительными собственные отговорки Даниельсону.

Якорь спасения для себя Плеханов нашел в теме Российской "азиатчины". Она увлекала его всю жизнь и подробно развита в его известной многотомной "Истории русской общественной мысли".

Идеи Маркса из "Манифеста..." и "Капитала" об исторической прогрессивности капитализма народники знали не хуже Плеханова, но сферу их действия ограничивали Европой. Перенесение этих идей на российскую почву народники считали предательством интересов миллионов и позорным попустительством капиталистическим хищникам ради предполагаемого светлого будущего, до которого еще неизвестно, доживет ли русский народ.

Вопросы, поднятые народниками, Плеханов подменил темой русской "азиатчины" и "восточного деспотизма" в России. Интересны его мысли о своеобразии русской истории, но, пытаясь отмахнуться от народнической постановки вопроса о своеобразии и губительных последствиях русского капитализма как капитализма позднего (т.е. вопроса о последствиях неравномерности капиталистического развития), Плеханов, сам того не желая, лишь подтвердил на новом привлеченном им фактическом материале существование той самой проблемы, которую он хотел бы отбросить.

Рассуждения Плеханова разворачивались по следующей схеме: "... сознательное и откровенное служение интересам буржуазии все-таки неизмеримо лучше нынешнего бесцельного и бесплодного нытья народников. Оно все-таки будет равносильно большому шагу вперед в нашем умственном развитии. Без него не обойдется дело политической европеизации России, и чем скорее придет его время, тем скорее выйдем мы из современного застоя" [2. Т. III. С. 259]. Европеизация породит пролетариат, а он в надлежащее время завоюет свободу в России.

Плеханов не случайно заменял здесь понятие "капитализм" более широкими и менее определенными понятиями "европеизация", "европейская цивилизация" и т.п. В понятие "европеизация" включалась не только капитализация страны, но и, кроме того, и на этом Плеханов делал особое ударение, уничтожение "азиатчины", "восточного деспотизма", векового застоя, царизма, бюрократической системы и т.п. Например, политическая идея существующего строя, отмечал он, "состоит в том, что мозгом страны является бюрократия, которая ведаёт все общественные нужды страны и удовлетворяет их в той мере, в какой признает их законными" [Там же. Т. X. С. 384]. Европеизация означает уничтожение таких порядков и установление свободных политических учреждений, при которых силы отечества "перестали бы, наконец, быть игрушкой в руках какого-нибудь коронованного Кита Китьча" [Там же. Т. III. С. 68]. Или погибнуть от застоя, разорения, бюрократической системы, азиатского деспотизма и т.п., или уничтожить их, т.е. европеизироваться, — такова альтернатива и иного не дано согласно Плеханову. Для доказательства благотворности европеизации Плеханов указал на то, что она должна разрушить до основания, а именно уничтожить восточный деспотизм в России. Привести Россию в царство цивилизации не сможет никто, кроме капитализма. Западноевропейскую цивилизацию привел к расцвету именно капитализм.

Поэтому Марксову аргументацию из "Манифеста. . ." и "Капитала" об исторической прогрессивности капитализма Плеханов попытался усилить ссылкой на необходимость уничтожения "восточного деспотизма" в России, чтобы убедить всех в том, что "дальше так жить нельзя". Тема "азиатчина" оказалась буквально находкой для Плеханова, выручавшей его в самых затруднительных положениях. Он ссылался на нее при всяком удобном и неудобном случае — начиная от критики народников как защитников азиатского застоя и реакции и вплоть до неприятия Октября 1917 г., поскольку Россия еще не успела изжить свою "азиатчину" и цивилизоваться.

Ссылки на восточный деспотизм позволяли не отбрасывать народнические описания кризиса России и вместе с тем давать им иное объяснение. Истоки этого кризиса, согласно Плеханову, в непреодоленной азиатчине, в неизжитых докапиталистических отношениях. Народники выступали в качестве защитников этих отношений, т.е. певцов застоя и азиатчины, и под эту общую оценку подводились также и их предостережения о губительных последствиях позднего капитализма. Ленин подошел ко всем этим вопросам иначе, чем Плеханов. Качества позднего капитализма он охарактеризовал как проявления империализма, а впоследствии неравномерности капиталистического развития (что Плеханов свел к последствиям "азиатчины") Ленин увидел мощнейший революционный фактор, т.е. наличие слабого звена в мировой капиталистической цепи, которая может быть порвана революционным ударом по этому звену.

Вернемся снова к значению темы "восточный деспотизм" в составе общей плехановской концепции революционного обновления России. Сам этот термин он заимствовал у основоположников марксизма, а

многие материалы, его обосновавшие, — у В.О. Ключевского, С.М. Соловьева и др. историков. Обратившись к истории России, Плеханов попытался ответить на вопросы, издавна обсуждавшиеся в русской революционно-демократической среде: кто мы — Восток или Запад, что обусловило замедленный рост производительных сил и культуры, кто в нашей истории пытался разрушить застойную систему, к чему следует стремиться России, кто способен ввести ее в мировое революционное сообщество и т.п. Одним словом, посредством категорий "восточный деспотизм" и "европеизация" обсуждались важнейшие вопросы теории и практики русского социализма. Многочисленные замечания по этим вопросам разбросаны во множестве работ Плеханова. В систематическом виде концепция "восточного деспотизма" России изложена им в много-томной "Истории русской общественной мысли", работу над которой он начал в 1909 г., хотя созрела эта концепция уже ко времени совместного с Лениным выпуска "Искры".

В русском историческом процессе, писал Плеханов, "есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий" [Там же. Т. XX. С. 12]. Эти особенности "то увеличиваются, то уменьшаются, вследствие чего Россия как бы колеблется между Западом и Востоком" [Там же]. В Московский период истории они гораздо больше, чем в Киевский. А после реформы Петра I они опять уменьшаются и углубляющейся европеизации далеко не закончена. «Взрыв 1905—1906 гг. был следствием европеизации России. А его "неудача" была причинена тем, что процесс европеизации переработал . . . еще не всю Россию. Последствия "неудачи" будут ослабляться сообразно дальнейшему ходу названного процесса» [Там же. С. 114].

Под свою стратегию, возведенную на постулате об исключительной прогрессивности капитализма в России, Плеханов тем самым стремился подвести солидную историческую базу. Во-первых, отметались упреки народников в презрении к страданиям миллионов и в любви к дальнему светлому будущему вместо любви к ближнему. Да, соглашался Плеханов, капиталистическая перестройка экономической жизни дорого обходится России. "В особенности тяжел для нее нынешний кризис. Но не мы ответственны за ее страдания. Не нами они были подготовлены, не нами вызваны. Их подготовили и вызвали те самые общественные отношения, которые мы стараемся уничтожить. Мы окажемся виноватыми перед своей страной только в том случае, если будем смотреть на ее бедствия сложа руки, если не захотим или не сумеем так направить свою деятельность, чтобы эти самые бедствия послужили для России залогом будущего благосостояния" [Там же. Т. III. С. 385]. Одним словом, капитализм уничтожает "азиатчину", застой и отсталость и одновременно роет себе могилу.

Во-вторых, ссылки Плеханова на "восточный деспотизм" призваны были подвести фундамент под его концепцию двустадийности революционного процесса в России. Ленин отверг ее как меньшевистскую, противопоставив ей концепцию, согласно которой пролетариат ведет одно-

временно две социальные войны – против царизма (“восточный деспотизм”) и против буржуазии. Плеханов же считал допустимой лишь одну “войну” – против царизма ради демократии, причем единым фронтом – пролетариат с буржуазией. Только такие совместные действия способны “европеизировать” Россию и избавить ее от “восточного деспотизма”.

Исторически корни “восточного деспотизма” чрезвычайно глубоки, разъяснял Плеханов, и европеизация только начала перерабатывать Россию. К признакам российского “восточного деспотизма” Плеханов относил прежде всего всемогущую роль государства и “застойность” экономического развития. Эти особенности явились следствием особого международного положения России, сильнейшим образом воздействовавшего на ее социальное развитие. Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом поглощало силы на самооборону и обусловило замедленное развитие экономической и культурной жизни. Расходы на выполнение этих охранительных функций при общей бедности ресурсов обуславливали необходимость их централизации, а также концентрации власти и государственного закрепощения всех подданных – от крестьян до знати. Итогом этих процессов было сближение России со строем восточных деспотий, а это, в свою очередь, сдерживало экономический рост. Расходы на управление и военные нужды в стране земледельческой могли покрываться преимущественно земледельческим трудом, что привело к прикреплению крестьян к земле. Положение русского земледельца сделалось очень похожим на положение крестьянина в любой из великих восточных деспотий. Следствием неблагоприятных условий исторического существования явилось подчинение личности интересам государства, что, в свою очередь, замедляло экономический и культурный прогресс. С этой стороны Россия столетиями все более отдалялась от европейского Запада и сближалась с Востоком.

Борьба России за выживание происходила и на западных ее рубежах, но здесь уже с XVI в. столкновения с европейскими странами давали России возможность “болезненно почувствовать превосходство европейской цивилизации” [Там же. Т. XX. С. 115]. “В конце XVII, в XVIII и в XIX столетиях. . . необходимо было усвоить культуру европейского Запада или пойти назад, склониться к упадку и разложению” [Там же. С. 121]. Если бы не толчки с Запада, то “восточный деспотизм” мог бы воспроизводиться вечно, но, чтобы избавиться от военного и экономического отставания, требовалось следовать модели общественного развития на Западе. Капитализм и является таким обществом.

С развитием капитализма и с появлением пролетариата “изменяется самый характер русской культуры, исчезает наш старый, азиатский экономический быт, уступая место новому, европейскому. Рабочему классу суждено . . . довести до конца процесс европеизации России. Но рабочий класс придаст совершенно новый характер этому делу, от которого зависит самое существование России как цивилизованной страны. Начато когда-то сверху железной волей самого деспотичного из русских деспотов, оно будет закончено снизу, путем освободительного движения самого революционного из всех классов, какие только знала история” [Там же. Т. III. С. 78]. Эта борьба восточного деспотизма и европеизации в XIX в.

далека от своего завершения и России предстоит еще долгий и трудный путь капитализма.

Итак, капитализм – высшая фаза европеизации России, марксизм – теория этой европеизации, а пролетариат представляет ее главную силу и орудие. Итогом исследования специфики исторического развития России явилась у Плеханова новая стратегия, сделавшая эпоху в истории социалистического движения в России.

От концепции “Заряженной мины” к стратегии двуэтапности революционного процесса в России. Новая позиция Плеханова явилась значительным шагом вперед по сравнению с уровнем решения вопросов основоположниками марксизма. Новым явился категоричный вывод Плеханова о победе капитализма в России и вывод о ведущей роли пролетариата в предстоящей революции. Темы российского пролетариата Маркс и Энгельс вообще не затрагивали. Крылатые слова, произнесенные Плехановым с трибуны социалистического конгресса в Париже (1889), выражали ключевое положение всей теоретической и практической платформы группы “Освобождение труда”. “Революционное движение в России, – заявил Плеханов, – может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может” [Там же. Т. IV. С. 54]. Плеханов законно гордился этим своим главным теоретическим достижением. “Наши революционные надежды приурочивались к пролетариату... – напоминал Плеханов. – Разумеется, мы не могли не видеть, что в то время, когда мы начинали свою пропаганду марксизма, наше рабочее движение находилось еще в состоянии зародыша. . . Самое главное, – мы были твердо убеждены, что, пока не окрепнет и не созреет пролетариат, нечего и думать о падении нашего абсолютизма” [Там же. Т. XIX. С. 241].

Новой эта позиция была и по отношению к народническим установкам. Энгельс, например, в соответствии со своим взглядом на Россию как на заряженную мину, где следует только поджечь фитиль, не считал большой бедой намерения народовольцев захватить власть. К социализму Россия не готова, но, самое главное, чтобы рухнул царизм и чтобы социалистической революции в Европе из России “был дан толчок, чтобы революция разразилась” [1. Т. 36. С. 263].

Плеханов был категорическим противником “захвата власти” народовольцами как опаснейшей авантюры, способной послужить лишь сигналом к наступлению реакции. Революционные народники исходили из положения о том, что Россия придет к свободе (демократии) через социализм, т.е. считали, что Россия уже готова для социализма и все дело лишь в том, как захватить власть и с ее помощью начать социалистические преобразования.

Свой главный удар по народничеству Плеханов нанес именно по этой их идее готовности. Он перевернул народническую формулу: Россия, доказывал он, придет к социализму через свободу. России еще предстоит длительный процесс “европеизации” и она еще не готова для социализма ни в экономическом, ни в социально-политическом, ни в культурном отношении. Поэтому предстоящая революция будет лишь политической (завоевание демократии и свержение “восточной деспотии”).

тии"), а не социальной (т.е. социалистической по тогдашней терминологии). Эти две революции должны быть разделены временными промежутками. "Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества, значит отдалять наступление и того и другого" [2. Т. II. С. 86].

Необходимо особо подчеркнуть, что идея "паузы" между двумя революциями, во время которой в условиях демократического капитализма созреют необходимые экономические, политические и культурные предпосылки социализма, является решающей в структуре политического мышления Плеханова.

Размеры этого предполагаемого временного промежутка между двумя революциями Плеханов то укорачивал, то удлинял. Мы "отнодь не верим в близкую возможность социалистического правительства", — писал он в работе "Социализм и политическая борьба" [Там же. С. 78]. Но в другом месте утверждал несколько иное: «. . . влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дает право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия *"пришла слишком поздно"*, то русская запоздала еще более и господство ее не может быть продолжительным» [Там же. С. 86]. В работе "Наши разногласия" он утверждал, что "наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести, за это ручается нам могучее влияние международных отношений" [Там же. С. 337]. Но в работе "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" он снова говорит иное: "*Нет данных, позволяющих надеяться, что Россия скоро покинет путь капиталистического развития, на который она вступила после 1861 года*" [3. Т. I. С. 713]. Этого взгляда он придерживался до конца жизни.

Непоследовательность Плеханова не случайна. Он близко подошел к выводу о том, что революция, в которой главной движущей силой выступит пролетариат, не влезет в рамки буржуазной революции старого типа. Вполне логично было предположить, что пролетариат делает нечто гораздо большее, чем просто создаст условия для расцвета капитализма. Он не удовлетворится тем, что вместо царя посадит на трон своего классового противника — буржуазию. Чувствуя парадоксальность положения пролетариата, обязанного делать не свою, а буржуазную революцию и потому способного оказаться орудием в руках буржуазии, Плеханов выдвинул чрезвычайно важную идею, заключенную в формуле "гегемония пролетариата" в буржуазной революции. Только в таком случае пролетариат сможет завоевать демократию для себя, а не свободу для эксплуатации самого себя со стороны буржуазии. "Я всегда считал, — настаивал Плеханов, — что самой главной, чтобы не сказать единственной, движущей силой русского революционного движения является пролетариат" [2. Т. XIX С. 552]. Поэтому-то я и сказал на Международном съезде в 1889 г.: "Революционное движение в России

может восторжествовать только как движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может" [Там же. С. 241].

Идея "гегемонии пролетариата" — чрезвычайно существенный вклад в обновление модели революционного процесса, полученной в наследство от основоположников марксизма. Но, выдвинув эту идею, Плеханов остановился на полдороге и повернул вспять. С одной стороны, он утверждал, что "политическая свобода будет завоевана рабочим классом или ее совсем не будет" [Там же. Т. III. С. 16]. И в то же время он предлагал пролетариату исполнение довольно запутанной функции. Он должен быть главной силой в революции, но одновременно "не пугать" буржуазию своей революционностью. «Западноевропейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где "красный признак" принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, "либералы" готовы были искать защиты в объятиях самой бесцеремонной военной диктатуры» [Там же. Т. II. С. 75]. Столь ли велики силы пролетариата, рассуждал Плеханов, "чтобы не рискованно было отталкивать от себя такого союзника" [Там же. С. 76]. Наша тактика, постоянно убеждал Плеханов, должна быть тактичной, а мы должны быть "мудрыми, как змии". Позднее образцом "бестактности" он назвал революционный курс Ленина и большевиков. Однако после революции 1905 г. Плеханов вынужден был сокрушенно признать: ". . . что касается буржуазии. . . мы не ожидали от нее такой дрянности и ограниченности, какие она обнаружила впоследствии" [Там же. Т. XIX С. 241]. Но "не пугать" буржуазию пролетариату можно было лишь единственным способом — стереть на своем знамени все социалистические требования.

С одной стороны, Плеханов стремился учесть возрастающую роль широких масс в общественных преобразованиях и близко подходил к пониманию того, что российская революция не уместится в границах прежних понятий о буржуазной революции, но с другой — тут же останавливался на полпути, пытаясь оценивать ее исключительно с точки зрения опыта революций 1848–1850 гг. А этот опыт показывал четко и определенно: поражение пролетариата. В начале этих событий стояли активные революционные действия, июньская битва пролетариата в Париже, а в конце — жестокое поражение, термидор, реставрация и, наконец, сам пролетариат оказался надолго сброшенным с исторической сцены. Но коль скоро результат был таков, то выход отсюда Плеханов видел один — осознать этот суровый исторический урок и не ходить туда, где уже раз были биты. Нужно осознать, что час осуществления классовых социалистических требований еще не пробил и поэтому "не заскакивать" вперед "необходимости". Правда, из поражения можно было извлечь и иной урок — выступать еще более революционно и организовано, чтобы не быть битым. По этому пути пошел Ленин.

Плеханов видел выход из противоречия в том, чтобы принцип "гегемонии пролетариата" подчинить более широкой идее — идее естественно-исторической необходимости и закономерности исторического процесса. Эту функцию подчинения должно постоянно выполнять "классовое самосознание" пролетариата. Поэтому в идейном багаже группы "Освобож-

дение труда" вслед за категорией "естественноисторической необходимости" второй по важности выступала категория "классового самосознания" пролетариата. Классовому самосознанию пролетариата отводилась роль вернейшего арбитра и помощника во всех практических и теоретических затруднениях социалистического движения. Именно самосознание должно во всяком конкретном случае взвешенно определять те дозы "союза" и "борьбы" с буржуазией, которые не грозят пролетариату конфликтом с "необходимостью". "Мы знаем. . . путь, ведущий к социализму к их великой цели. Он определяется немногими словами: *содействие росту классового сознания пролетариата*. Кто содействует росту этого сознания, тот социалист. Кто мешает ему, тот враг социализма" [Там же. Т. III. С. 400].

Но тем самым "гегемония" из требования действительного "физического" лидерства (именно таким оно будет у Ленина) низводилась до уровня лишь идейной гегемонии и духовного лидерства. "Самосознание" оказывалось мерой всех успехов и целью, к которой следует стремиться. Социалисты, писал Плеханов, "считают своей главнейшей, чтобы не сказать единственной, обязанностью содействие росту этого сознания пролетариата, которое они кратко называют его *классовым сознанием*. Ростом классового сознания пролетариата измеряются для них все успехи социалистического движения. Все, что содействует этому росту, они считают полезным для своего дела; все, что замедляет его – вредным..." [Там же. С. 390].

Итак, концепция "классового самосознания" пролетариата – это один из важнейших элементов революционной схемы Плеханова. "Революционное сознание пролетариата, – вновь и вновь повторял Плеханов, – вот тот страшный динамит социалистов, который взорвет современное общество. Все, что содействует прояснению этого сознания, должно считаться средством революционным и, следовательно, приемлемым для социалистов. А все, что затемняет это сознание, является антиреволюционным и, следовательно, должно нами осуждаться и отвергаться. Вот главный принцип, на котором должна основываться вся наша тактика" [3. Т. II. С. 449].

Социализм как историческая необходимость. Может сложиться впечатление, что Плеханов отступил от своей идеи всемогущей "экономической необходимости" и в противоречии с нею видел теперь в "самосознании" ту архимедову точку, которая позволит перевернуть экономические отношения. Но никакой подмены "необходимости" властью "самосознания" здесь не происходило. Статусом пролетарского классового "самосознания" Плеханов наделял не всякое, а лишь то содержание сознания, которое порождено этой "необходимостью", которое ее адекватно отражает и ей соответствует. Практически же это означало не что иное, как требование признать "самосознанием" его собственную плехановскую интерпретацию "необходимости", включая выводы о неодолимости и необходимости капитализма в России, о неготовности ее для социализма, требование разделение двух революций длительным промежутком времени, призыв "не пугать" буржуазию, а вступить с нею в "союз" ради завоевания политической свободы и т.п. Иначе говоря,

создавалась лишь видимость решения проблемы синтеза борьбы за демократию и борьбы за социализм. Плеханов попросту ушел от ответа на вопрос о том, "что делать" пролетариату практически в буржуазной революции и каков социалистический эквивалент его действий, коль скоро признавалась его ведущая роль в революции. Согласно Плеханову, пролетариат должен совместно с буржуазией завоевать демократию и затем в течение длительного времени "европеизироваться", т.е. ждать и готовиться к грядущим боям за социализм, но ни в коем случае не пытаться брать власть.

Этими установками Плеханов вывел движение из тупика, куда завело его народничество, и в то же время задал направление мысли для меньшевизма. (Возникновение меньшевизма привело к новому расколу в социалистическом движении.) Уровень решений группой "Освобождение труда" проблем, стоящих перед российскими социалистами, был плодотворным и достаточным, пока шла борьба с народничеством, выработались основы программы социалистической партии и внедрялись основополагающие истины марксизма в социалистическое движение. Но этот уровень оказался недостаточным, когда на авансцену к концу XIX в. выдвинулся пролетариат и встали конкретные практические вопросы о том, какова должна быть специфика его стратегии в оставшей стране, с запоздавшим капитализмом, неревolutionной буржуазией, неликвидированным "азиатским деспотизмом" и т.п. Плеханов сформировался в 80-е годы как революционный борец с деспотизмом. Эта антидеспотическая направленность его мышления и идеи марксизма о прогрессивности капитализма определили и его отношение к российскому капитализму. Мы страдаем не только от капитализма, отвечал он народникам, но и от недостаточности его развития. Поэтому тема российского капитализма поднималась в трудах Плеханова преимущественно в этом аспекте. Социализм наступит, согласно Плеханову, с "железной необходимостью", он придет также неизбежно, как восход солнца, но только в свое время, как необходимый результат достигнутого своего апогея и исчерпанного возможности развития капитализма. Сосредоточившись на борьбе с царским "восточным деспотизмом", Плеханов мало нового сказал о таком специфическом историческом явлении, как российский капитализм. Его заслуга состояла в доказательстве того, что Россия уже идет по капиталистическому пути, но он остановился у порога новой проблемы: как этот конкретный капитализм соотносится с будущим социализмом. Поэтому весьма показательны упреки молодого Ленина в адрес Плеханова во время их совместной работы над программой партии. Он указал Плеханову на крайнюю абстрактность многих его формулировок о капитализме – это рассуждения о капитализме вообще, а не программа пролетариата, борющегося против весьма определенного российского капитализма.

Лишь тот путь к политической и экономической свободе способен реализоваться, настаивал Плеханов в полемике с народническим субъективизмом, который "укоренен" в действительности, в ее социальных отношениях, в уровне развития производительных сил, культуре и т.п. Но, настаивая на этой субстанциональной "укорененности" нового

исключительно в предшествующем развитии, Плеханов недопустимо преуменьшил конструктивное значение для рождения нового созидательной целенаправленной деятельности самого исторического субъекта (человек, класс, партия, классовая борьба). "Что разумно, то становится действительным, — настаивал Плеханов, — и вся непреодолимая сила экономической необходимости берет на себя осуществление этого" [2. Т. VIII. С. 186]. Здесь можно предположить влияние на плехановское мышление гегелевского панлогизма. Другим не менее влиятельным философским авторитетом Плеханов считал Спинозу с его детерминизмом и утверждал иногда, что марксизм — это род спинозизма. Но Плеханов чрезвычайно мало уделял внимания "деятельной стороне" Марксова материализма, роли практики в общей структуре марксистского мировоззрения. Проблема диалектики субъективного и объективного осталась наиболее слабым пунктом в концепции Плеханова как на уровне теоретическом, так и на уровне практической деятельности.

Таким образом, ограниченность стратегических и тактических рекомендаций была связана с тем, что они возводились на недостаточном теоретическом базисе — на абстрактно истолкованной идее необходимости исторического процесса, без должного учета роли конкретно-исторической революционной практики пролетариата в условиях России конца XIX и начала XX в. Сформировавшись как мыслитель в основном в 80-е годы, Плеханов не менял своей концепции, хотя этого требовали новые процессы общественного развития. Это и привело Плеханова к конфронтации с Лениным, концепция которого формировалась позднее и учитывала не только достижения Плеханова, но и новые требования, с которыми век XX шел на смену веку XIX.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.
2. Плеханов Г.В. Сочинения: В 24 т. М.; Пг., 1923—1926.
3. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956—1958.
4. Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1934—1940. Т. I—VIII.
5. Revolution. 1990. N 515.